

И.А. ШМЕРЛИНА

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ В ВЕРСИИ РАННЕГО ПИТИРИМА СОРОКИНА

Аннотация. В статье анализируются теоретико-методологические основания социологической концепции П.А. Сорокина, изложенные им в работе «Система социологии» (1920). Представлены интерпретация Сорокиным дилеммы реализма / номинализма, а также некоторые общие особенности ее видения в сфере социологической мысли, связанные с неразличением социальности как отвлеченного понятия и как идеи общества в платоновском смысле; переводом дилеммы номинализма / реализма в плоскость оппозиции атомизм / холизм и антропоморфной трактовкой холизма. Показано, что в своем стремлении утвердить реалистский взгляд на природу социальных феноменов, избежав при этом крайностей его «буквального» прочтения, Сорокин развивает методологию аналитического и материально-вещественного реализма. Предложенный им концепт проводника отвечает, с точки зрения автора статьи, современному интересу к средствам невербальной семиотики, а инструментальная трактовка человека как участника социальных взаимодействий — позднейшим разработкам, утверждающим внесубъектную линию в сфере социологического анализа.

Ключевые слова: Питирим Александрович Сорокин; реализм; номинализм; холизм; атомизм; антропоморфность; взаимодействие; проводник; невербальная семиотика; внесубъектная линия социологического анализа.

Для цитирования: Шмерлина И.А. Социологический реализм в версии раннего Питирима Сорокина // Социологический журнал. 2019. Том 25. № 3. С. 142–156. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.3.6681

Дилемма реализма / номинализма — «одна из вечных тем философской и научной мысли» [9, с. 1] и та несущая методологическая конструкция, с опорой на которую выстраивается обществоведческий дискурс, включая базовую оппозицию структуры и действия. Формально снятая в разнообразных, порой весьма изящных обходных решениях, сегодня она эксплицируется редко, встречаясь главным образом в теоретически фокусированных исследованиях, при этом не как самостоятельный предмет рассмотрения, а как гносеологическая ретроспектива или изложение предельных мировоззренческих оснований.

Творчество П.А. Сорокина, не иссякающий интерес к которому особенно выражен в год 130-летнего юбилея выдающегося социолога, дает хороший повод вернуться к названной дилемме. Для Сорокина она была вполне актуальна, а ее решение представлялось необходимым условием дальнейших концептуальных построений.

* * *

Дилемму номинализма / реализма так или иначе решали все классики социологической мысли, и практически никому из них не удавалось удер-

---

Шмерлина Ирина Анатольевна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/25, корп. 5.

Телефон: +7 (499) 120-82-57. **Электронная почта:** shmerlina@yandex.ru

жаться в строгих рамках одного из подходов. Так, в реалистской социологии Э. Дюркгейма можно различить скрытую номиналистическую редукцию¹. В свою очередь убежденные сторонники номинализма в своих построениях не могли обойтись без категорий с реалистским «привкусом» — таких, как «публика» Г. Тарда, «институт» и «социальный класс» М. Вебера². Повидимому, какова бы ни была эксплицированная методологическая позиция социального мыслителя, без категорий, «намекающих» на существование неких надындивидуальных сущностей, он обойтись не может. Как тонко заметил Л.И. Шестов, «Человек науки, знает ли он это или не знает (большею частью, конечно, не знает), хочет ли он того или не хочет (обыкновенно — не хочет) не может не быть реалистом в средневековом смысле этого слова» [10, с. 344]. Творчество Сорокина служило хорошей иллюстрацией этого наблюдения. Как человек, стремящийся удержаться на твердой почве здравого смысла, Сорокин тяготеет к номинализму. Как теоретик он неуклонно движется в сторону реализма, и это нетрудно проследить по его текстам. Отличающиеся тщательной и развернутой аргументацией, они содержат как ясную, выраженную с отчетливой бескомпромиссностью, постановку многих проблем, не потерявших своей остроты для современной социологии, так и плодотворные способы их разрешения, нуждающиеся в дальнейшем осмыслении и разработке.

Реализм / номинализм в изложении П.А. Сорокина

Проблема реализма / номинализма является предметом специального, фокусированного рассмотрения Сорокина. Раскрывая содержание каждого из подходов, он показывает, что последовательное проведение как того, так и другого быстро наталкивается на содержательные противоречия и методологические тупики.

И номинализм и реализм Сорокин анализирует в историко-научном контексте, давая «суммарную характеристику» и прописывая «определенные оттенки и градации» (с. 237)³ каждого из направлений. В социологическом реализме он выделяет «крайнюю позицию» сторонников органической школы, пытавшихся самым непосредственным образом помыслить обще-

¹ При этом, как полагает П. Хейл, центральное для социологии Дюркгейма понятие «коллективного сознания» имеет в своей основе глубоко заложенную органическую метафору, которая в свою очередь содержит «встроенные» каузально-механические принципы действия. Природа механической солидарности, показывает он, может быть рассмотрена по аналогии с физической «солидарностью» членов животных колоний, в которых «любое движение или действие одной из их частей осуществляется буквально механически... Вынужденный объяснить, как физически независимые индивиды формируют определенную разновидность суперорганизма, Дюркгейм заменил физические узы когнитивными процессами, которые имеют схожий поведенческий эффект, — коллективным сознанием» [11, р. 178–179]. Примерно в этой же логике, как будет показано ниже, выстраивал реалистскую аргументацию П. Сорокин.

² И.А. Голосенко замечает: «Сколько бы М. Вебер ни объявлял социальный класс “номинальным целым” и ни противопоставлял ему понятие “социального статуса”, в теории стратификации он невольно вступает в противоречие с многими собственными послылками и отдает известную дань реализму» [4, с. 167].

³ Здесь и далее все отсылки к работе П.А. Сорокина «Система социологии» (1920) [8] даются в круглых скобках, где указаны номера соответствующих страниц.

ство как органическое тело, а также «менее отчетливую и резкую форму» изложения реалистских идей в работах Э. Дюркгейма, Л. Гумпловича, Е. Де-Роберти, А. Эспинаса и др. Из работы последнего «Социальная жизнь животных» Сорокин приводит ключевую цитату: «Без всякого сомнения, общества суть живые существа. Общество есть живое сознание или организм идей» (с. 239). Любопытно, что в своей интегральной социологии Сорокин довольно близко подошел к этой мысли, хотя и не формулировал ее со столь же уязвимой отчетливостью.

Характеризуя социологический номинализм, Сорокин выделяет как наиболее яркого его представителя Г. Тарда, однако наиболее высокой оценки удостоивает «“русскую субъективную школу” в лице П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского и Н.И. Кареева», «отрицательное отношение» которых «к социологическому реализму выразилось», в частности, «в страстной защите личности как верховной этической ценности» (с. 242–243).

Обе крайности — реализм и номинализм — анализируются Сорокиным с точки зрения их логических оснований, очищенных до «буквального смысла». В этом, «буквальном», смысле им «не могут быть приняты» ни «тезисы социологического реализма», ни «тезисы социологического номинализма» (с. 246).

Стремление удержаться на позициях здравого смысла, оперирующего конкретными, осязаемыми, интуитивно доступными аргументами, — характерный для Сорокина модус рассуждений и аргументации. Подобный стиль доказательства, с одной стороны, придает убедительность обсуждаемым положениям, но, с другой, с трудом пропускает к более отвлеченному их рассмотрению. Особенно уязвимым в логике здравого смысла оказывается реализм Э. Дюркгейма, понятый Сорокиным как «чистый абсурд» (с. 244).

Настаивать на том очевидном факте, что «никакая... вещь не может существовать *вне и независимо от ее элементов*», «нет надобности» — это, подчеркивает Сорокин, настолько «ясно и очевидно», что является банальностью, «трюизмом» (с. 244). Тем не менее с присущей ему дотошностью Сорокин выстраивает подробную аргументацию, прибегая при этом к «методу вычитания», который, полагает он, с исчерпывающей убедительностью опровергает любые утверждения о самостоятельном существовании «социального сознания», «народного духа», «коллективной души» и проч. Если в соответствии с этим методом «от “коллективной души” общества [вычистить] “души” *всех* составляющих его индивидов... бывших и сущих... вы получите пустое место», — утверждает Сорокин (с. 244). Стремясь оттенить абсурдность реалистских предположений, Сорокин прибегает к примерам из естествознания, напоминая, в частности, что аналогичная операция вычитания из воды кислорода и водорода приведет к исчезновению воды.

Стоит подчеркнуть ту непринужденность, с которой Сорокин оперирует естественнонаучными аналогиями. В его социологии граница между природой и обществом еще не закрыта, и, как будет показано ниже, в ней возможны даже аргументы от фитосоциологии⁴. Между тем нетрудно заметить, что

⁴ Фитосоциология — направление в ботанике, связанное с изучением взаимодействий растений в фитоценозах и активно использующее терминологический аппарат социологии. Во времена Сорокина было распространено представление о том, что этот аппарат отражает принципиальное сходство процессов, характерных для человеческих и растительных сообществ.

подобными примерами Сорокин расшатывает свою тяготеющую к номинализму позицию, поскольку даже на уровне здравого смысла понятно, что вода — это не просто нечто большее, но качественно иное, нежели кислород и водород, а организм — качественно иное, нежели составляющие его клетки.

Впрочем, Сорокин отлично понимает, что операции вычитания и сложения над одними и теми же элементами, применяемые не в математическом, а в социологическом смысле, дают несопоставимые результаты. Иначе говоря, если операция вычитания индивидов из общества оставляет «пустое место», то операция сложения делает это место *непустым*, наполняя чем-то, что превосходит сумму слагаемых. Сорокин не был бы выдающимся социологом, если бы не чувствовал это. Исходя из интуитивного тяготения к реализму, Сорокин не может «согласиться с Тардом, что в обществе нет ничего, что не существовало бы в индивидах» (с. 246). *Взаимодействие* — вот то, что «превращает простую сумму индивидов в общество, в коллективное единство» (с. 246).

Между тем рассуждение в категориях *взаимодействия* и тем более *коллективного единства* требует иного уровня аргументации, нежели «буквальный смысл». Неслучайно, как только Сорокин обращается к этим категориям, он тут же разрушает собственные аналогии, и простые арифметические операции вычитания-сложения заменяются на более сложные химические модели преобразований. Так, соединение водорода и кислорода, пишет Сорокин, «составит воду, т. е. явление, весьма существенно отличающееся от простой суммы кислорода и водорода, отдельно взятых» (с. 246).

Будучи последовательным, Сорокин не только разрушает собственную аргументацию, но и заходит настолько далеко, что противопоставляет номинализму Тарда реализм фитосоциологии. В частности, он цитирует Г.Ф. Морозова⁵, утверждавшего, что «лес не есть простая совокупность древесных растений, а есть ассоциация, сообщество древесных пород, т. е. такое множество, в котором растения проявляют не только индивидуальную жизнь, но общественную...». По мнению Сорокина, Тард «похож на человека, из-за деревьев не видящего леса, леса как общества взаимодействующих деревьев, отличного от простой суммы невзаимодействующих древесных единиц». В такой же близорукости Сорокин упрекает и Н.И. Кареева (с. 247)⁶.

Таким образом, рассмотрев крайности реализма и номинализма в их буквальной логике, Сорокин отклоняет обе. С одной стороны, он решительно отказывается видеть в обществе что-либо иное, нежели совокупность взаимодействующих индивидов. С другой стороны, не признает «правду» номинализма, согласно которой «вне индивидов как реальности нет никакой другой реальности; с удалением индивидов от общества не остается ничего...» (с. 240).

⁵ Георгий Федорович Морозов (1867–1920) — выдающийся русский ботаник и географ, основоположник российского лесоводства.

⁶ Такое неожиданное обращение к аргументам от фитосоциологии, разумеется, не делает Сорокина сторонником этого направления. Довольно часто упоминая в рассматриваемой работе это направление (наряду с зоосоциологией), он тем не менее настаивал на существовании резкой грани между этими дисциплинами, с одной стороны, и homo-социологией, с другой. Показательно, однако, что homo-социология рассматривалась Сорокиным как *одна из возможных социологий*, при этом Сорокин считал обязательным для социолога считаться с данными биологии и «там, где это возможно... сводить изучаемые им процессы к их биологическим основам» (с. 15).

Компромисс, который предлагает Сорокин, охарактеризован Голосенко как «умеренный реализм объективно-идеалистического характера» [4, с. 168) и, в некотором приближении, это достаточно адекватная оценка. Для более нюансированной характеристики теоретико-методологических взглядов Сорокина следует рассмотреть дилемму социологического реализма / номинализма с необходимой критической дистанции.

Реализм / номинализм: философский контекст дилеммы

В традиционных рассуждениях о реализме / номинализме применительно к обществу присутствует редко замечаемое логическое смещение. Его почувствовал, например, Е. Спекторский, когда подметил, что средневековый спор номиналистов и реалистов «все-таки очень далек» от вопросов общественного устройства [9, с. 8], а также В. Быченков, подчеркнувший онтологическую природу этого спора, принципиально отличающую его от методологического рассмотрения дилеммы реализма / номинализма в социологии, где она связана «с поиском объяснительного принципа в отношениях индивидуального и сверхиндивидуального» [2, с. 64].

Действительно, строго говоря, формула средневековой схоластики, воплощающая кредо номинализма, — “*universalia post rem*”, «универсалия после вещи» — не имеет непосредственного отношения к дилемме «общество — индивид». Коль скоро под *вещью* в данном случае понимается индивид, то универсалией должно быть нечто вроде *лошадности* Антисфена⁷ — то есть понятие, характеризующее человеческую «социальность», или «социабельность», или, может быть, «солидарность»⁸. Соответственно, спор должен разворачиваться в плоскости обсуждения вопроса о том, существует ли *реально* социабельность человека и если да, то в каком смысле — в виде некоей божественной идеи, предпосланной человеческому роду, или, может быть, физического субстрата — фрагмента генома человека? Или нет никакой социальности в реалистском смысле, а есть просто люди, которые ведут себя тем или иным образом, и это «то или иное поведение» принято *называть* социальностью (социабельностью) человека? Поставленная в этой плоскости, проблема социального может иметь, по-видимому, только номиналистическое решение, преимущественно в форме концептуализма, или «мягкого» номинализма, поскольку, безусловно, можно выделять и обсуждать личностные социальные качества, «вложив» их в соответствующие концепты, однако очевидно, что эти концепты есть всего лишь слова — «имена, общие многим вещам» [3, с. 86), а не некая, отдельная от индивида, реальность совместного существования, каковой в социологическом реализме предстает общество.

Это смещение логики анализа, когда от *понятия*, обобщающего некоторые свойства индивидов, делается переход к *идее* совместного существования, воплощенной в обществе, можно было бы отнести к недисциплинированности социологического ума, однако в действительности оно восходит,

⁷ Древнегреческий философ «Антисфен отрицал онтологическую содержательность общих понятий, говоря, что видит только человека, лошадь или стол, но не видит “лошадности”, “человечности”, “стольности”» [1].

⁸ Неслучайно, как отмечает И.А. Голосенко, ссылаясь на И. Горовица, «во многих работах реалистов понятие онтологического социального единства... постоянно смешивается с его частной атрибутивной формой — солидарностью, гармонией, взаимопомощью, кооперацией и т. п.» [4, с. 164).

по-видимому, к средневековой схоластике, воспринявшей сложившуюся в эллинистической философии противоречивую трактовку универсалий. Неразличение двух их значений — как общих понятий и идей в платоновском смысле — породило, как заметил русский философ В.С. Соловьев, саму дилемму реализма / номинализма [7, с. 204–205].

Универсалия «социальность (как свойство индивида)» или «социабельность» есть отвлеченное понятие, обобщающее наблюдаемые качества индивидов, в то время как «общество» сродни платоновской идее, оно есть скорее трансцендентная категория, выходящая за пределы непосредственного опыта, обозначающая то, чего в видимой реальности нет. Эта несопоставимость сопоставляемых феноменов (индивида и общества) приводит к тому, что дилемма номинализма / реализма в ее социологической версии незаметно подменяется дилеммой атомизма / холизма. Следы этой подмены нетрудно различить у П. Сорокина, когда он рассуждает, «...*есть ли коллективное единство или общество... реально существующее явление или же они реально не существуют, а реально даны только индивиды, их составляющие?*» (с. 237).

Объединение идеи общества и отвлеченного понятия социабельности сделало возможным непосредственный логический переход к реальности общественного целого от реальности составляющих его атомов. Следствием такого логического перехода оказалась антропоморфная трактовка холизма как социабельности индивидов, взятых вне индивидов. Рассмотренный в подобном ракурсе, примат социального целого провоцирует на предположение о существовании мистических «социальных сущностей», онтологический страх перед которыми хорошо различим в социологическом дискурсе. Примеры подобного мистифицированного восприятия холизма можно найти как у Сорокина⁹, так и у социологов более позднего времени¹⁰. Возражая против подобных взглядов, Сорокин пытается опровергнуть их с позиций «буквального смысла», который не допускает существования психического переживания без субъекта, физиологического процесса без нервной энергии и требует указать «эмпирические свойства бытия» социального целого, вплоть до физической локации и нервной системы, обеспечивающей необходимые

⁹ Показательны в этом отношении цитаты из Ф. Гиддингса и Г. Тарда, которые с одобрением приводит Сорокин. «Нет никакого основания предполагать, что общество представляет великое существо, которое обладает самосознанием в форме некоторого мистического процесса мышления, отличного и независимого от мышления, совершающегося в мозгу составляющих его индивидов», правильно говорит Гиддингс (с. 245–246). Аналогичные взгляды высказывал Тард: «Термин “социальная или коллективная психология” кажется мне неудовлетворительным. Он может повести к недоразумениям, что мистические умы стремятся прикрасить этим ярлыком понятие об обществе как о каком-то гигантском мозге, составленном из наших маленьких мозгов и обладающем особым социальным “я”, отличным от наших индивидуальных сознаний» (цит. по: [20]).

¹⁰ См., например, рассуждения Дж. Сёрля о гипостазировании «коллективных ментальных сущностей» в виде «некоего всеобъемлющего (overarching) гегельянского Мирового Духа, некоего парящего над нами, индивидами, мистического “мы”, по отношению к которому мы, индивиды, выступаем не более чем [его] выражением» [12, р. 118]. «Фаталистический примат “целого”, общества, — замечает И.С. Голосенко, — превращает «общее» в концепциях реалистов в некую мистифицированную сущность» и открывает «дорогу откровенно идеалистической (холистской) интерпретации природы социального целого» [4, с. 164].

физиологические и психические процессы (с. 244–245). Чтобы не допускать подобных абсурдистских представлений, замечает Сорокин, «термины, подобные “социальному сознанию”, “душе народа”, “национальному духу” и т. д.», «предпочтительнее не употреблять» (с. 247–248).

Нетрудно увидеть в антропоморфно понятом холизме тень органицизма, мыслящего общество по аналогии с человеком, и эта неявно воспринятая установка усугубляет тупик социологического реализма. Воспринятый «буквально», холизм был отторгнут последующей социологической мыслью, а вопрос о реальности общества фактически распался для социолога на два: (1) существуют ли «коллективные единства», представляющие собой нечто большее, нежели сумма индивидуальных проявлений? (2) существуют ли они в реалистском смысле? На первый вопрос социолог обычно дает утвердительный ответ, а на второй — отрицательный. Рассуждения Сорокина в этом отношении очень показательны: «*Общество или коллективное единство, как совокупность взаимодействующих людей, отличная от простой суммы не взаимодействующих индивидов, существует... Но, вопреки реализму, общество существует не “вне” и “независимо” от индивидов...*» (с. 247).

Действительно, в логике «буквального», антропоморфно понятого социального целого дать утвердительный ответ на второй вопрос не представляется возможности. Между тем нет никакого логически неизбежного перехода к обществу (социальному целому) от людей. Как заметил Е. Спекторский, общество и люди — качественно разные субстанции, и реализм позволяет уловить это различие. В рамках реалистского подхода «различие личности и общества приобретает... характер различия не количественного, а качественного, и даже противоположности не двух величин, а двух принципов» [9, с. 9–10]. Спор реализма / номинализма, социологически осмысленный как оппозиция холизма / атомизма, стимулировал поиски этого иного качества общества, не сводимого к качествам личности, и привел к выработке если не компромисса, то по крайней мере достаточно плодотворной перспективы, располагающейся на безопасной дистанции от крайних позиций. Интерсубъективность, ориентирующая на процессы, происходящие между индивидами, — вот то методологическое решение, которое позволяет уйти от бесплодных колебаний между реализмом и номинализмом и обратиться к изучению социальной реальности, что бы она собой ни представляла. На этой платформе достаточно гармонично уживаются непримиримые в идейно-теоретическом отношении противники — крайний номиналист Г. Тард, крайний (что, впрочем, спорно) реалист Э. Дюркгейм и умеренный реалист Сорокин.

Аналитические рамки социологического реализма Сорокина

Как известно, Сорокин придавал социальному взаимодействию статус родового понятия социологии, определяя ее «*как науку о поведении людей, находящихся в процессе взаимодействия, и о результатах такого поведения*» (с. 50). Само взаимодействие он трактует как «*особое коллективное единство*» и даже «*коллективную индивидуальность*» (с. 232). Чтобы заострить подобную трактовку, он ставит вопрос о природе этого феномена, или «*вопрос о реальности... коллективного единства. Этот вопрос гласит: суть ли коллективное единство или общество... реально существующее явление или же они реально не существуют, а реально даны только индивиды, их составляющие?*» (с. 237).

Задача Сорокина состоит в том, чтобы обосновать реалистский статус социального взаимодействия. Как показано выше, радикальный реализм,

предполагающий реальное, вне индивидуальных воплощений, существование социальных целостностей, безусловно, чужд Сорокину. Исповедуя истины здравого смысла, он отвергает антропоморфную и идеалистическую версии холизма, справедливо видя в них абсурд и налет мистицизма. Исходя из того, что последовательный реализм, или реализм «в буквальном смысле», для Сорокина не приемлем, требуется выяснить, какого рода реализм он исповедует.

И. Голосенко характеризует реализм П. Сорокина как умеренный. Между тем любая умеренная позиция таит в себе потенции противоположных решений и в этом отношении неустойчива. В целом хорошо известно, что никакого компромисса между реализмом и номинализмом не существует — это логически не совместимые позиции, а располагающийся между ними концептуализм является, фактически, «мягкой» формой номинализма. Однако позиция Сорокина ничего общего с концептуализмом не имеет. Для него общество — не просто концепт, обозначающий сумму взаимодействующих индивидов; общество в трактовке Сорокина представляет собой не номинальное, но реальное коллективное единство, и «*в качестве такой реальности sui generis оно имеет ряд свойств, явлений и процессов, которых нет и не может быть в сумме изолированных индивидов*» (с. 246).

Эта реальность трудноуловима, эфемерна; не имея собственной области существования, она появляется вместе с взаимодействующими индивидами и бесследно исчезает, как только они уходят со сцены. Ничто, однако, не мешает придать этой выведенной из паутины межличностных взаимодействий реальности статус самостоятельного объекта изучения. Такой подход можно назвать *аналитическим реализмом*, и именно он, на наш взгляд, в наибольшей степени отвечает теоретическим воззрениями Сорокина. Примечательно, что он предпочитает говорить о социальных феноменах не в субстанционально-онтологической, а в инструментальной плоскости — в плоскости предмета социологии или модели социального явления (см., например, с. 80–81).

Аналитический реализм Сорокина — это тонкая балансировка между недостижимым горним миром реализма и дольным миром номинализма, дающим твердую почву здравого смысла. Удерживая этот баланс, Сорокин предлагает достаточно сложное, многоходовое решение, связанное с переориентацией дисциплинарного внимания социологии на объективированные продукты деятельности людей и оставляющее весьма скромное место человеку как таковому¹¹.

Шаг 1. Прежде всего важно заметить, что, определяя предмет социологии (см. цитату, приведенную в начале этого раздела), Сорокин говорит о *поведении* людей, но не о людях как таковых. В принципе, подобное исключение можно было бы не заметить или проигнорировать. Неслучайно, например, в интерпретации И.А. Голосенко, «согласно Сорокину, реально существуют в качестве главных компонентов общественной жизни индивиды, их взаимодействия... и продукты, результаты взаимодействий» [4, с. 168). В обоснование подобной интерпретации можно сослаться на некоторые формулировки самого Сорокина (например, с. 246). И все

¹¹ Это имеет отношение только к теоретико-методологическим построениям Сорокина, а не к его исследованиям конкретных аспектов человеческой деятельности, в полной мере учитывающим субъективные смыслы социального действия.

же то, что в определении предмета социологии оказались «пропущены» люди, — не случайность и не небрежность. За этим «пропуском» стоит сознательная попытка максимально дистанцироваться от понимающей социологии с ее вниманием к сознательно-психическим феноменам. По убеждению Сорокина, «...индивид как индивид не дает никакого основания для существования особой науки — социологии... Социологии с индивидом делать нечего, и потому она была бы излишней» (с. 78). Не видя в инструментальных возможностях современной ему науки способов полностью исключить людей из социологического анализа, Сорокин, однако, надеется, что в будущем социологии удастся «совершенно игнорировать субъективно-психологическую сторону человеческой деятельности» (с. 63).

Очевидно, что подобные установки не совместимы с номинализмом, редуцирующим социологическое объяснение к человеческой личности¹².

Шаг 2. Между тем полное исключение людей из предмета социологии было бы слишком радикальным и опасным креном в сторону крайнего реализма, и Сорокин находит весьма изящный способ поддержания нужного баланса: он включает их в структуру взаимодействия как обязательный компонент последнего наряду с актами и проводниками взаимодействия (с. 144). В этом вопросе ни о каком «пропуске» речи быть не может, и Сорокин подчеркивает это настойчиво и неоднократно: «Взаимодействие без людей... немыслимо»; «...нельзя... обособлять изучение “материальной культуры” (совокупности проводников) от деятельности людей, создавших ее в процессе взаимодействия...» (с. 146–147).

Именно присутствие людей позволяет Сорокину удержаться на твердой почве здравого («буквального») смысла, гарантом которого является номинализм. Неслучайно, настаивая на «неразрывности трех элементов взаимодействия [индивиды, акты, проводники. — *И.Ш.*], он вспоминает о дилемме реализма / номинализма и замечает, что «в вопросе о реальности или номинальности общества только при сознании необходимости всех трех элементов для бытия социального явления возможно правильное решение...» (с. 147).

Шаг 3. Итак, предыдущим ходом своих аналитических рассуждений Сорокин возвращает людей в социологию. Стоит, однако, присмотреться, какая роль им при этом отводится. Эту роль Сорокин описывает довольно странными словами — «контактные звенья цепи проводников»; «самодвижущийся предметный проводник». Люди здесь мало похожи на людей (во всяком случае, людей понимающей социологии, творящих свой жизненный мир и генерирующих социальные смыслы); подобно «телефонистке, соединяющей двух абонентов», «люди-проводники», или «контакторы», «осуществляют контакт между двумя различными проводниками», выступая «в качестве промежуточных звеньев» цепи взаимодействия (с. 142, 143).

Фактически люди выступают здесь в качестве функциональных элементов социального механизма, и именно в этом своем функциональном качестве включаются в модель взаимодействия. Описывая их место и роль в этой модели, Сорокин подчеркивает не интенциональные, смысловые, рефлексивные, ценностные атрибуты человеческой личности, но способность человеческого организма продуцировать и воспринимать сигналы

¹² Перефразируя В.В. Соловьева [7, с. 110], можно сказать, что реализм растворяется в чистой логике, а номинализм — в психологии.

взаимодействия, наличие у него соответствующих «аппаратов-восприимчивых, аппаратов-раздражителей и аппаратов реагирования» (с. 112–113). Следы увлечения коллективной рефлексологией здесь очевидны, хотя в этом своем увлечении даже на раннем этапе творчества Сорокин не переходит пределы разумного и признает определенную пользу от «привлечения субъективных психических переживаний к делу уяснения и понимания социальных фактов» (с. 71) (см. об этом также в: [6, с. 53–56]).

Впрочем, на страницах «Системы социологии» Сорокин развивает скорее не нейробиологические, а механические аналогии (см., например, с. 85) которые имеют для него не просто метафорическое, но модельное значение. Так, *реальность* «коллективного единства» Сорокин описывает, приводя аналогию с веревкой, связывающей взаимодействующих индивидов, при этом «движения одного... “дергают” другого и обратно». Проверять эту модель на «прочность», Сорокин не находит изъяна в своих рассуждениях: «Такая тесная функциональная или причинная взаимозависимость между центрами взаимодействия дает основание для того, чтобы рассматривать явление взаимодействия в качестве особого *коллективного единства или коллективной индивидуальности*. Основанием для этого... являются причинные или функциональные отношения, данные между взаимодействующими индивидами, выделяющие их из множества других индивидов в особое явление, отграниченное от всех остальных... Спрашивается, достаточно ли такой основы для того, чтобы образовать из ряда взаимодействующих индивидов коллективное единство? Ответ может быть только положительный» (с. 232, 233).

Онтологические обертоны социологического реализма Сорокина

В выстроенной Сорокиным модели взаимодействия центральное место принадлежит, таким образом, концепту проводника, имеющему отчетливый семиотический смысл. Проводники суть воплощенные в том или ином материале знаки, продуцируемые и распознаваемые участниками взаимодействия: «*Под проводниками взаимодействия я разумею все те средства, благодаря которым раздражение, исходящее от одних индивидов, передается и доходит до других*» (с. 118).

По сути, именно проводники и есть, в логике сорокинской концепции, настоящий предмет социологии. В самом деле, коль скоро в трехчастной структуре социального взаимодействия, изложенной в «Системе социологии», люди рассматриваются лишь со стороны их возможности подавать и воспринимать сигналы взаимодействия, а акты межличностных взаимодействий, составляющие саму суть общественной жизни¹³, должны быть в чем-то воплощены, остается лишь один «элемент», допускающий процедуры социологического анализа, — проводник.

Проводники занимают центральное место в структуре социального взаимодействия и в онтологическом, и методологическом смысле. Онтологическом — поскольку именно посредством проводников коммуникация («*общение душ*») вообще возможна, без них «психические переживания... вообще не могут передаваться» (с. 116). Методологически — поскольку именно таким образом, посредством фокусировки на «явлениях “предметного” характера, доступных

¹³ «К чему, как не к явлениям взаимодействия, в конечном счете, сводится вся общественная жизнь», — постулирует Сорокин (с. 81).

наблюдению, имеющих определенное внешнее бытие, допускающих “ощупывание” и “измерение”, социология может «освободиться от... психологического субъективизма» и «превратиться из науки о “психических реальностях” в объективную дисциплину» (с. x–xi).

С присущей ему обстоятельностью Сорокин дает детальную, сопровождаемую многочисленными примерами, классификацию проводников, выделяя восемь их видов: звуковые, световые, механические, тепловые, двигательные, химические, электрические и вещественно-предметные (с. 124–125). Выбор в качестве критерия классификации «физической природы проводников... и... характера рецептивных органов, воспринимающих их» (с. 124), можно было бы расценить как неудачное решение, поскольку проводники интересуют Сорокина, безусловно, не столько как физические, сколько как сигнально-символические¹⁴ раздражители (с. 119–125), выступающие «в роли передатчиков психических переживаний» (с. 121) и опосредующие социальные взаимодействия. Между тем в этом выборе заложен, по-видимому, более глубокий смысл, нежели просто стремление к исчерпывающим описаниям *ab ovo*.

С точки зрения логики выстраиваемой Сорокиным концепции несомненно, что использование физического принципа в качестве основы классификации проводников связано со стремлением фундаментализировать идею социологического реализма. Трудно усомниться в *реальном* существовании проводников — «они действительно существуют как *физические реальности*» (с. 141). Несомненное, в самом «буквальном смысле», существование проводников, а также их «постепенная консолидация и наслаивание», образующие «в итоге... целый материально-существующий мир, материальную культуру», делают, подчеркивает Сорокин, очевидной «ошибочность номинализма» (с. 247). Таким образом, концепт проводника позволил Сорокину перейти от аналитического к своеобразной версии онтологического реализма — субстанционального, или материально-вещественного. Симптоматично, что, завершая сюжет о проводниках, Сорокин едва удерживается от органицистской аналогии: «Г.г. органицисты искали в свое время соединительную ткань общества. Если бы был какой-нибудь прок от таких аналогий — такую ткань было бы нетрудно указать: она дана в виде совокупности проводников и... проводниковых цепей...» (с. 144).

Сделав упор на проводниках, Сорокин фактически сориентировал социологию на изучение знаковой стороны коммуникации, во всем многообразии используемых при этом знаков — индексальных, иконических и символических. Именно знаки переводят «психическое переживание... в непсихическую форму, в то или иное внешнее явление, в раздражитель (мика, движения, слова, жесты, знаки и т. д.)» (с. 115–116), в виде которых психические переживания от одного субъекта передаются другому, обеспечивая саму возможность социальной жизни.

Разработанная Сорокиным классификация проводников в определенной степени корреспондирует с типологией средств невербальной семиотики Г.Е. Крейдлина и выглядит как своего рода ранний, не очень отчетливый ее набросок. Физический принцип, положенный в ее основу, не позволил Сорокину сделать принципиальное разделение сигнала-

¹⁴ «Сигналы» и «символы» в «Системе социологии» Сорокина выступают как синонимы.

лов / символов на вербальные и невербальные, хотя он очень близко подошел к этому решению, подчеркивая ошибочность сведения человеческой коммуникации к языковым средствам общения и важность иных средств, которые сегодня принято называть сферой невербальной семиотики: «...чрезвычайно узко, — писал он, — смотрят на явления общения людей те, кто единственным средством общения их считает язык... Помимо языка... процесс общения людей осуществляется рядом других средств, — проводников: световых, двигательных, механических, предметных и т. д.» (с. 125). Не разворачивая эту мысль, Сорокин объединил в группу звуковых проводников речь, музыку и разного рода шумы, несущие сигнальное значение (такие, как «удар пушки в Петрограде» в полдень, «гудок фабрики», «звонок трамвая» и т. п. (с. 129), а в группу свето-цветовых проводников — письменность и все то изобилие знаков, начиная от живописи и заканчивая сигнальными огнями паромов, которые воспринимает человеческий глаз (с. 129–133).

Другое отличие проводников Сорокина от средств невербальной семиотики состоит в том, что последние — в том виде, в каком они представлены Крейдлиным, — относятся к сфере непосредственной межличностной коммуникации людей. Соответственно заданному ракурсу, Крейдлин чрезвычайно подробно описывает музыкальные характеристики человеческого голоса (тон, тембр, высота, напевность и пр.), определяющие те или иные аспекты человеческой коммуникации, но музыка как таковая его не интересует. Сорокин не разделяет непосредственную (межличностную) и опосредованную (культурно-символическую) коммуникацию и потому рассматривает в качестве звуковых проводников как особый мир музыкальных звуков, так и паралингвистические аспекты речи (подкрепляя свои наблюдения авторитетом Дарвина: «Дарвин вполне правильно замечает, что голос действует, помимо содержания слова, еще своей силой, высотой и тембром» (с. 128)), а в качестве двигательных проводников — как непосредственные жесты человека в ситуации общения, так и кинематографию.

Как бы то ни было, в «Системе социологии» Сорокину удалось затронуть шесть из десяти выделенных Крейдлиным разделов невербальной семиотики, а именно — *паралингвистику* («науку о звуковых кодах невербальной коммуникации» [5, с. 22]; этому разделу семиотики в классификации Сорокина соответствуют «*звуковые символические проводники*»: с. 126–129); *кинесику*, изучающую язык тела, жесты, мимику, телесные позы и пр. (этот раздел невербальной семиотики затронут Сорокиным при описании двигательных проводников: с. 134); *гаптику*, занимающуюся тактильной коммуникацией (при рассмотрении механических проводников: с. 136); *ольфакцию* («науку о языке запахов, смыслах, передаваемых с помощью запахов, и роли запахов в коммуникации» [5, с. 22] (в разделе химических проводников: с. 138).

Наибольшее внимание Сорокин уделил *предметным проводникам* в их символической роли, справедливо замечая, что к ним «нужно отнести... всю почти “материальную культуру”, все предметы, созданные или преобразованные деятельностью людей: дома, храмы, дворцы, памятники, средства передвижения, предметы домашней обстановки и т. п.» (с. 139), а также деньги (с. 140). В классификации Крейдлина предметным проводникам

в некоторой степени¹⁵ *корреспондирует системология* как «наука о системах объектов, каковыми люди окружают свой мир, о функциях и смыслах, которые эти объекты выражают в процессе коммуникации» [5, с. 22].

Описав со всей возможной подробностью систему «*проводников взаимодействия... передающих членам системы взаимодействия их взаимные акции и реакции*» (с. 117), Сорокин реализовал свою цель поставить социологию на твердую почву наблюдаемых фактов, допускающих регистрацию объективными методами. Однако при этом он ставит себе разумные пределы — как в онтологическом, так и методологическом плане. В онтологическом плане стоит обратить внимание на акты неделания (с. 104–105) — ведь в данном случае речь идет, конечно, не о знаках, но о субъективно постигаемом смысле действия (не-действия). В методологическом плане уступкой понимающей социологии является допущение, пусть в качестве «вспомогательного», метода интроспекции, «обращающегося к анализу психических переживаний людей» (с. 76).

Заключение

Дилемму реализма / номинализма Сорокин решает в пользу первого — в тех границах, которые допускает здравый смысл. Это решение состоит в выделении целостного явления взаимодействий, аналитически расчленяемого на три «элемента» (индивиды, акты и проводники)¹⁶. Соединение названных элементов, «составляющее явление взаимодействия, образует в своей совокупности своеобразное единство, или особую систему... как реальность *sui generis*» (с. 82).

Попытка объяснить реальность этого единства вылилась в демонстрацию вещественности проводников, посредством которых происходит взаимодействие. Это, полагает Сорокин, проясняет «*тот механизм, посредством которого одни индивиды, разделенные от других пространством и временем, могут взаимодействовать друг с другом, т. е. быть функционально связанными в своих переживаниях и поступках...*». В представлении Сорокина, тем самым ему удалось решить проблему реального существования социальных целостностей: «...сказанное, — резюмирует он, — *раскрывает структуру системы взаимодействия как коллективного единства, структуру не в переносном, символическом смысле, а в самом реальном значении этого слова*» (с. 141).

Вряд ли сегодняшнюю социологию удовлетворит это решение. Между тем в этих непосредственных, «буквальных» попытках уловить ускользающее бытие социальной *реальности* можно видеть истоки более изощренных подходов, реализуемых в позднейших социологических концепциях, вплоть до трудно постижимых с позиций «буквального смысла» построенной Н. Лумана или акторно-сетевой теории.

¹⁵ Сорокин интерпретирует предметные проводники очень широко, включая в них людей: «...к предметным проводникам могут быть причислены и люди-посредники, передающие раздражение одних людей другим. Отличие их от других предметов то, что они являются самодвижущимися предметами. Поэтому их можно называть двигательно-предметными проводниками» (с. 139).

¹⁶ Данные «элементы» Сорокин называет одновременно «необходимыми условиями» и «составными частями», что, конечно, не одно и то же; следуя логике его концепции, о людях и проводниках следовало бы говорить не как о частях или условиях, а как о средствах взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брагинская Н.В. Антисфен из Афин // Новая философская энциклопедия [электронный ресурс]. Дата обращения 12.02.2019. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01f00c110290b9bd2ef2ffef>
2. Быченков В.М. Институты: сверхколлективные образования и безличные формы социальной субъективности. М.: Российская академия социальных наук, 1996. — 976 с.
3. Гоббс Т. Основы философии. Часть первая. О теле // Гоббс Т. Сочинения в 2-х т. Т. 1 / Пер. с лат. и англ.; Сост., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В.В. Соколов. М.: Мысль, 1989. С. 66–218.
4. Голосенко И.А. Реализм и номинализм в истории буржуазной социологии // Социологические исследования. 1979. № 4. С. 162–169.
5. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. — 592 с.
6. Лазебная К.П. Теория символического в творчестве П.А. Сорокина: историко-социологический анализ. Дисс. ... канд. соц. наук. М.: Высшая школа экономики, 2013. — 182 с.
7. Соловьев В.С. Сочинения в 2-х т. Т. 2 / Отв. ред. и сост. А.В. Гулыга, А.Ф. Лосева; Примеч. С.Л. Кравца и др. М.: Мысль, 1988. — 822 с.
8. Сорокин П.А. Система социологии. Т. 1. Ч. 1. Петроград: Издательское т-во «КОЛОС», 1920. — 360 с.
9. Спекторский Е. Номинализм и реализм в общественных науках. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1915. — 40 с.
10. Шестов Л. Афины и Иерусалим // Шестов Л. Сочинения в 2-х томах. Том 1 / Сост., науч. подгот. текста, вступ. ст. и примеч. А.В. Ахутина. М.: Наука, 1993. С. 317–664.
11. Hejl P. The Importance of the Concepts of “Organism” and “Evolution” in Emile Durkheim’s Division of Social Labor and the Influence of Herbert Spenser // Biology as society, society as biology: metaphors / Ed. by S. Maasen, E. Mendelsohn, P. Weingart. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1995. P. 155–191. DOI: 10.1007/978-94-011-0673-3_8
12. Searle J.R. Mind, language and society: Philosophy in the real world. New York: Basic books, 1998. — 175 p.

Дата поступления: 14.03.2019.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2019.
VOL. 25. No. 3. P. 142–156. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.3.6681

I.A. SHMERLINA

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russian Federation.

Irina A. Shmerlina — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Address:** 24/35, bl. 5, Krzhizhanovskogo Str., 117218, Moscow, Russian Federation. **Phone:** +7 (499) 120-82-57. **Email:** shmerlina@yandex.ru

SOCIOLOGICAL REALISM IN THE EARLY WORKS OF PITIRIM SOROKIN

Abstract. The subject of this article is the theoretical and methodological foundations for P.A. Sorokin’s sociological concept, set forth in his work “The System of Sociology” (1920). The article analyzes Sorokin’s interpretation of the dilemma of nominalism / realism and some general features

of the vision of this dilemma in the field of sociological thought, namely: the failure to distinguish the notion “sociality” as an abstract concept and as an idea of society in the Platonic sense, the conversion of said dilemma into the form of the “atomism / holism” antitheses, and an anthropomorphic interpretation of holism. It is shown that in his attempt to establish a realistic view of the nature of social phenomena, while avoiding the extremes of its “literal” interpretation, Sorokin develops the methodology of analytical and material realism. From the author’s point of view, the concept of the conductor proposed by Sorokin corresponds to the modern interest in nonverbal semiotics, while the instrumental interpretation of a person as a participant in social interactions corresponds to later developments, which maintain an “out-of-subject” line in sociological analysis.

Keywords: Pitirim Alexandrovich Sorokin; realism; nominalism; holism; atomism; anthropomorphism; interaction; conductor; nonverbal semiotics; out-of-subject line of sociological analysis.

For citation: Shmerlina I.A. Sociological Realism in the Early Works of Pitirim Sorokin. *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*. 2019. Vol. 25. No. 3. P. 142–156. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.3.6681

REFERENCES

1. Braginskaja N.V. Antisphen from Athens. *Novaja filosofskaja jenciklopedija*. [New Philosophical Encyclopedia.] Accessed 12.02.2019. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01f00c110290b9bd2ef2fef> (In Russ.)
2. Bychenkov V.M. *Instituty: sverhkollektivnye obrazovaniya i bezlichnyye formy social'noj subektivnosti*. [Institutes: Overcollective entities and impersonal forms of social subjectiveness.] Moscow: Rossijskaja akademija social'nyh nauk publ., 1996. 976 p. (In Russ.)
3. Gobbs T. Foundations of philosophy. Part one. On the body. Gobbs T. *Sochinenija v 2-h t*. [Writings in 2 Vol.] Vol. 1. Transl. from Latin and Eng: Ed. by V.V. Sokolov. Moscow: Mysl' publ., 1989. S. 66–218.
4. Golosenko I.A. Realism and nominalism in the history of bourgeois sociology. *Sociologicheskie issledovaniya*. 1979. No. 4. P. 162–169. (In Russ.)
5. Krejdlin G.E. *Neverbal'naja semiotika: Jazyk tela i estestvennyj jazyk*. [Nonverbal semiotics. The language of body and natural language.] Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2002. 592 p.
6. Lazebnaja K.P. *Teorija simvolicheskogo v tvorcestve P.A. Sorokina: istoriko-sociologicheskij analiz. Diss. na soiskanie uchenoj stepeni kand. soc. nauk*. [The theory of the symbolic in the works of P.A. Sorokin: Historical and sociological analysis. Dissertation for the degree of Candidate of Sociological sciences.] Moscow: Vysshaja shkola jekonomiki publ., 2013. 182 p. (In Russ.)
7. Solov'ev V.S. *Sochinenija v 2-h t*. [Writings in 2 Vol.] Vol. 2. Ed. and Select. by A.V. Gulyga, A.F. Losev. Moscow: Mysl' publ., 1988. 822 c. (In Russ.)
8. Sorokin P.A. *Sistema sociologii*. [The System of Sociology.] Vol. 1. Petrograd: Izdatel'skoe t-vo “KOLOS” publ., 1920. 360 p. (In Russ.)
9. Spektorskij E. *Nominalizm i realizm v obshhestvennyh naukah*. [Nominalism and realism in social sciences.] Moscow: Tip. G. Lissnera i D. Sobko publ., 1915. 40 p. (In Russ.)
10. Shestov L. Athens and Jerusalem. Shestov L. *Sochinenija v 2-h tomah*. [Writings in 2 Vol.] Vol. 1. Ed. and Select. by A.V. Ahutin. Moscow: Nauka publ., 1993. P. 317–664. (In Russ.)
11. Hejl P. The Importance of the Concepts of “Organism” and “Evolution” in Emile Durkheim’s Division of Social Labor and the Influence of Herbert Spenser. *Biology as society, society as biology: metaphors*. Ed. by S. Maasen, E. Mendelsohn, P. Weingart. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1995. P. 155–191. DOI: 10.1007/978-94-011-0673-3_8
12. Searle J.R. *Mind, language and society: Philosophy in the real world*. N.Y.: Basic books, 1998. 175 p.

Received: 14.03.2019.